

15 Рабочая сессия

Гендерная идеология и разрушение института семьи и правового государства

Еще в 2000 году были приняты Планы действий ОБСЕ по поддержке гендерного равенства. Затем эти положения были закреплены в Стамбульской конвенции в 2011 году. С тех пор прошло почти 20 лет и уже можно серьезно и критически проанализировать результаты их внедрения в национальные законодательства и оценить последствия воплощения этих планов в реальность.

Я хотела проиллюстрировать внедрение гендерной политики в реальность на примере законодательства против домашнего и гендерного насилия. делается теми же методами, какими внедрялась и так называемая Ювенальная юстиция (защита прав детей) -- путем передачи судебных функций административным органам, социальным службам и НКО в рамках межведомственного взаимодействия. Тем самым нарушаются как права “спасаемых”, так и тех, кто внесудебно определяется “преступником”.

Хотелось бы отметить, что во всех международных документах говорится о женщинах и мужчинах как о двух разных видах, как будто бы между ними нет ничего общего. Более того, их противопоставляют друг другу, утверждая, что женщина это жертва по определению, а мужчина, следовательно, угнетатель.

Уже звучат голоса многих женских организаций, которые считают подход, выставляющий женщину как жертву по определению унижительным и разрушительным для самих женщин. Также женщины неоднократно жаловались на то, что внедряемая «модель» женщины зачастую противоречит интересам реальных женщин, которых никто не спрашивает, и которые считают семью и материнство основой своей самореализации в жизни, а не только карьеру.

Создается устойчивое впечатление, что главное во внедрении гендерных и ювенальных подходов не помочь женщине или детям, а разрушить институт семьи и государственные правовые институты. Создается параллельная судебной структура, которая уже не гарантирует гражданам страны соблюдение их прав, таких как право на справедливый судебный процесс и презумпцию

невиновности. Причем принимаются такие законы и поправки в разных странах путем различных уловок или антиконституционными методами. При этом законы опираются на международные конвенции. Оказывается, что в правовом государстве невозможно принять такие законы применяя обычные демократические методы, потому что они не выдерживают серьезной критики и грубо нарушают Конституцию. Тогда хотелось бы спросить, кому и зачем это надо?

Все случаи настоящего насилия нужно исследовать и решать. Блокирование же судебной системы огромным количеством заявлений, которые при детальном рассмотрении отбрасываются, не является хорошим решением проблемой.

Приведу пример Испании. Закон о домашнем насилии был принят в этой стране еще в 2003 году, а закон о гендерном насилии в 2004, и уже видны результаты.

В определении мотивов закона 1/2004 от 28 декабря «Меры комплексной защиты от гендерного насилия» указывается, что *“гендерное насилие не является проблемой, затрагивающей частную сферу”*. Но закон регулирует отношения между состоящими в близких отношениях людьми. Т.е. сразу говорится, что семейные дела не являются более частной сферой и в неё могут вмешиваться разного рода службы, которые поддерживают одного члена семьи против других, вместо того, чтобы максимально гармонизировать семейные отношения через культурную политику. Далее говорится, что *“Это насилие направлено против женщин по самому факту их принадлежности к женскому полу, поскольку они рассматриваются агрессорами как лишённые минимальных прав на свободу, уважение и способность принимать решения”*. Из этого следует, что насильником является мужчина просто по факту принадлежности к мужскому полу. А далее, при рассмотрении дела с недостаточными уликами принадлежность к мужскому полу рассматривается как отягчающее обстоятельство.

С самого начала была развернута беспрецедентная информационная кампания вокруг тем гендерного насилия. Щедро финансируемая социальная реклама гендерного насилия, охотно поддерживалась основными СМИ и создала атмосферу настоящей гендерной истерии в обществе. Вся страна обсуждала частные случаи насилия, которые, конечно, непростительны, но не могут быть обобщены и спроецированы на всё общество. Тем самым идет программирование и уже на этой стадии создается отчуждение детей от родителей, супругов друг от друга.

К этому добавилось размытие критериев гендерного насилия, когда к физическому насилию добавили психологическое, экономическое, моральное и сексуальное насилие (заметим, что речь идет о семейных парах).

Уже невозможно стало вдумчиво и внимательно разобраться в том, кто реально является жертвой насилия, а кто нет. Что, опять же, пошло только в ущерб настоящим жертвам насилия, которых также начали подозревать в подаче ложных заявлений.

По специальным программам в бюджет начали поступать огромные финансовые средства. Ну и, соответственно, закон рынка никто не отменял: получается, что чем больше заявлений, тем больше денег и больше рекламы. И не важно, подтвердятся эти заявления или нет. В результате, по информации Центрального регистра по защите жертв семейно-бытового и гендерного насилия, основанной на данных Министерства юстиции Испании, в суды поступает около 130 тысяч заявлений в год, и только в 30 тысячах случаев необходимы какие-либо меры защиты.

Не все суды еще готовы рассматривать это с такой точки зрения, т.е. считать все случаи обращений о гендерном насилии заранее подтвержденным фактом. Это привело новое социалистическое правительство к решению расширить перечень лиц и организаций, уполномоченных определить статус жертвы гендерного насилия для оказания ей «помощи» и передать функции суда в руки чиновников. Причем это вполне может осуществляться и против воли самой женщины, так как в Стамбульской конвенции прописывается, что её заявление или желание давать показания не обязательны.

3 августа этого года Королевским декретом-законом 9/2018, т. е. без обсуждения в Конгрессе и Сенате, были внесены поправки в закон 1/2004 о «Мерах комплексной защиты от гендерного насилия». К существовавшему ранее положению о том, что статус жертвы определяется судебным приговором и постановлением о необходимости принятия мер защиты или прокуратурой, теперь добавлено, что ситуации гендерного насилия также могут быть квалифицированы отчетом социальных служб, специализированных служб или служб помощи жертвам гендерного насилия государственной администрации; или любым другим компетентным органом...

Для присвоения статуса жертвы гендерного насилия, а стало быть и назначения «преступника», теперь будет достаточно только отчета социальных служб или других компетентных органов.

Административный отчет соцслужб, который не может быть обжалован, приравнивается к судебному решению. Т.е. это решение не подлежит юридическому или судебному контролю. При этом процесс признания женщины жертвой (а следовательно и правонарушителя) никак не формализован и не описан. Административный отчет не предполагает его подтверждения каким-либо судебным процессом. Это может стать серьезным нарушением длинного списка положений Конституции. Это может затронуть презумпцию невиновности, право на честь, на опеку, право на судебное разбирательство, право на защиту, правовую безопасность, запрет на злоупотребление административными полномочиями и даже на конституционное требование о контроле над государственными расходами... Эту поправку невозможно было бы принять если бы она была представлена как законопроект.

Так как на помощь жертвам гендерного насилия выделены огромные финансовые средства, уже можно себе представить какие интересы и злоупотребления это может создать во всей системе семейного права.

Декретом-законом также были внесены изменения не куда-нибудь, а в сам Гражданский кодекс, что само по себе беспрецедентно. Под предлогом регулирования предоставления психологической помощи детям, в Гражданский кодекс одновременно внесены размытые и двусмысленные формулировки для определения виновника. Такие, как “*atentar contra el otro progenitor*” (т.е. за *попытку нанесения физического вреда, моральной неприкосновенности, свободы, нравственной неприкосновенности или сексуальной свободы или неприкосновенности*) или “*iniciado un procedimiento penal*” (в случае, если открыто уголовное дело). Т.е. еще ничего не доказано, но отец уже ограничивается в родительских правах и получает соответствующее социальное клеймо «гендерного преступника»!

Эти размытые формулировки конечно были бы исправлены путем внесения поправок, если бы закон принимался нормальным путем, через внесение законопроекта и его обсуждения в Конгрессе. Но, к сожалению, этого не произошло, т.к. речь шла о декрете. 4 сентября, на первой же сессии после каникул, который совпал с последним днем предусмотренного статьей 86.3 Конституции тридцатидневного срока для его одобрения, Конгресс утвердил текст декрета-закона ровно так, как он был опубликован правительством 6 августа.

Поясняю: всё дело в том, что королевские декреты-законы утверждаются целиком в едином акте, без возможности внесения каких-либо правок или их частичного одобрения. Т.е. либо «да» либо «нет» как он есть. Это исключает возможность рефлексивного анализа по статьям, и исправления размытых или двусмысленных формулировок или неконституционных положений. Исправить или улучшить его невозможно. А это уже затрагивает и принцип разделения властей.

Вот мнение адвоката, профессора Гражданского права в Университете UNED Вероники дель Карпио Фиестас: *«Хорошо известно, что есть привычка принимать королевские декреты-законы (в других областях, но никогда в Гражданском кодексе!) в период отпусков, когда у вас есть что скрывать или когда вы не хотите чтобы закон был углубленно проанализирован. ... Мы сталкиваемся с нечистоплотным использованием королевского декрета-закона по причине того, что он не выдерживает серьезного юридического обсуждения».*

По мнению этих юристов, содержание и форма принятия этого закона так глубоко неконституционна, что это не безопасно. *“Абсолютно никакая цель или предметная проблематика не позволяет ни правительству, ни законодателям нарушать основополагающих принципов Конституции и верховенства закона, как бы ни были похвальны их мотивы, и борьба против гендерного насилия не является исключением, потому что исключений тут не существует и не должно существовать. Бесспорный социальный долг юристов состоит в том, чтобы заявить об этих нарушениях ...независимо от идеологической направленности правительства и цели изменений, и даже если мы разделяем эти цели. Как раз потому, что мы их разделяем ...*

Заключение:

Мы уже тут слышали как спасают детей. Теперь таким же образом «техники» администрации будут спасать от гендерного насилия и женщин. То есть семью, как основу стабильности государства, будут уничтожать уже не только психологически, но и физически. Причем отказаться от такого “спасения” будет уже невозможно.

Можно сделать вывод о том, что за 18 лет внедрение политики в отношении гендерного насилия только создало еще больший хаос и коллапс системы.

Хочу обратить внимание на необычайные сходства в работе Ювенальной юстиции во всех странах и на сходства ювенальных и гендерных методов. В законодательстве открывается “брешь”, которая перекладывает ответственность с судебных органов на административные службы и НКО (зачастую финансируемые из-за рубежа), а далее те действуют по методичкам и указам извне.

Хотелось бы также обратить внимание на мнение многих политиков и активистов в разных странах о том, что в решения и действия Социальных служб или Служб защиты детей, а теперь и женщин, не может вмешиваться ни один политик или партия. Их решения беспрекословны и не подотчетны. Говорится о том, что эти структуры действуют как государство в государстве. А если это так, то это уже вопрос государственной безопасности.

И если это так, то надо так и сказать народу, что мы покончили с демократическим правовым государством и принципом верховенства закона, а также с суверенитетом стран. Мы входим в фазу глобального государства, где все правила игры меняются, и теперь главным является принцип «цель оправдывает средства». Что надо разрушить все имеющиеся государственные институты, а также институт семьи. Надо сказать это честно и спросить людей на референдумах, хотят ли они этого. Это было бы демократично. В обратном случае это не имеет ничего общего с демократией.